

Научная статья

УДК 140.8

doi: 10.18522/2072-0181-2026-125-5-13

ЧЕЛОВЕК КАК ПРОЕКТ САМОГО СЕБЯ: ФОРМИРОВАНИЕ ПЛАСТИЧНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Людмила Григорьевна Бабахова

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия,
babahova_l@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4610-7917/>

Аннотация. Выявляется трансформация идеи «человек как проект самого себя» от ее возрожденческих истоков до современного состояния. Автор показывает, как изначально гуманистический идеал самоформирования превращается в условиях общества потребления, цифровизации и неолиберальной экономики в инструмент самоэксплуатации и социального контроля. Через призму концепций пластичной идентичности, симулякра и «общества достижений» раскрывается парадокс современной свободы: декларируемое самоформирование оборачивается принудительной самооптимизацией, а поиск аутентичности – производством управляемых симулякров.

Ключевые слова: проект самого себя, пластичная идентичность, аутентичность, общество потребления, самоэксплуатация

Для цитирования: Бабахова Л.Г. Человек как проект самого себя: формирование пластичной идентичности в современном обществе // Научная мысль Кавказа. 2026. № 1. С. 5–13.

doi 10.18522/2072-0181-2026-125-5-13

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

THE HUMAN AS A SELF-PROJECT: THE FORMATION OF A FLEXIBLE IDENTITY IN CONTEMPORARY SOCIETY

Liudmila G. Babakhova

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia,
babahova_l@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4610-7917/>

Abstract. The article examined the evolution of the concept of “human as a project of himself” from its Renaissance and existentialist origins to its current state in the context of consumer society, digitalization, and late capitalism. The author traces how the ideal of free self-formation is transformed by the logic of the market, information technology, and performative culture. The primary focus is on the paradoxical transformation of the search for authenticity into an instrument of social control and self-exploitation. The imperatives of «be yourself» and «optimize yourself» are considered as mechanisms for producing a «flexible identity» that meets the demands of flexibility, competitiveness, and controllability. The role of digital technologies and artificial intelligence in delegating self-determination and fabricating simulacra is analyzed. The author shows that the modern «self-project» has lost its connection with existential depth and transcendental foundations, turning into a performative procedure that disguises systemic alienation under the guise of personal freedom.

Key words: Self-project, flexible identity, authenticity, consumer society, self-exploitation

© Бабахова Л.Г., 2026

Original article

Тема «человек как проект самого себя» имеет обширную историко-философскую традицию, восходящую к гуманистическим идеям Пико делла Мирандолы [1] и И. Канта [2], получившую дальнейшее развитие в экзистенциализме Ж.-П. Сартра [3]. Кризис «проекта самого себя» был диагностирован в работах К. Ясперса [4] и М. Хайдеггера [5], а его социально-политические импликации раскрыты М. Фуко [6]. Социально-психологические аспекты самопроектирования раскрываются в работах Р. Лифтона [7], К. Лэша [8], Р. Данна [9]. В современном научном дискурсе, особенно в контексте анализа пластичной идентичности, к данной проблематике активно обращаются и отечественные исследователи. Так, фундаментальные аспекты культурной идентичности в условиях нестабильности рассматривают Г.В. Драч [10], И.В. Малыгина [11]. Проблемы кризиса идентичности в культуре постмодерна исследуются О. А. Богдановой [12], В.А. Емелиным [13], Е.В. Золотухиной-Аболиной [14], Е.И. Труфановой [15].

Цель данной статьи – выявить ключевые аспекты трансформации концепции «человек как проект самого себя» от ренессансного идеала свободного творчества к современным формам пластичной идентичности, обусловленным рыночной логикой, цифровыми технологиями и культурой потребления. Постановка цели определила решение следующих задач: выявить историко-философскую эволюцию идеи самопроектирования от Пико делла Мирандолы до экзистенциализма; проанализировать, как в условиях общества потребления и позднего капитализма «проект самого себя» трансформируется в императив самооптимизации и ребрендинга; рассмотреть современную пластичную идентичность как перформативный конструкт; обозначить роль цифровых технологий и искусственного интеллекта в формировании новой де-легированной формы идентичности.

Актуальность исследования обусловлена парадоксальной трансформацией гуманистического идеала «человек как творец самого себя» в инструментальный императив перманентной

самооптимизации. В условиях позднего капитализма, цифровизации и общества потребления этот императив функционирует как эффективный механизм социального контроля, маскирующий системные противоречия под личные задачи «работы над собой». Изучение формирования пластичной идентичности как ключевого феномена этой трансформации представляется крайне важным для понимания современных механизмов конституирования субъективности.

В работе использован комплекс источников, репрезентирующих как историческую перспективу проблемы, так и ее современные критические интерпретации, что обеспечивает релевантность и глубину проводимого анализа.

Методологическую основу исследования составляют историко-философская реконструкция, критический анализ и компаративный подход. Работа опирается на принципы генеалогии, разработанные М. Фуко для прослеживания трансформации «заботы о себе», а также используется инструментарий социальной философии и философской антропологии для интерпретации современных феноменов пластичной идентичности.

«Ни даем мы тебе, о Адам, ни определенного места, ни собственного образа, ни особой обязанности... Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю» [1, с. 249]. Идея «человека как творца самого себя», высказанная в знаменитой «Речи о достоинстве человека» Пико делла Мирандолой, ознаменовала разрыв как с античным, так и со средневековым мировоззрением, провозгласив новый идеал человека, который сам формирует свою сущность.

В свое время концепция Пико выступила мощным призывом к свободе, самообразованию, активному творению собственной личности, заменяя собой пассивное принятие судьбы. Античность понимала человека как природное существо, границы которого определялись его природой. Во власти человека был лишь выбор: либо следовать своей природе и через познание добра, следовать доброму,

либо отклониться от нее. В представлении античного грека человек был вписан в вечную и ни от кого не зависящую природу. Средневековое христианство снимает с природы ее сакральный характер. Природа и человек понимаются как творение Бога. Ренессансное представление о человеке противопоставило себя как средневековому, так и античному образцу. Человек впервые «осознал себя творцом "свободным и славным мастером" только в эту эпоху он ощутил себя ничем не ограниченным – ни природой, которая была божественным началом у греков, ни Богом христианской религии, отменившим божественность природы, а теперь постепенно терявшим власть и над человеком» [16].

Понимание человека как незавершенного проекта, наделенного свободой выбора и открытого для постоянного изменения и самоопределения, конечной целью которого выступала трансценденция, выход за пределы наличного бытия к чему-то высшему, одновременно возлагало на человека – со-творца мироздания полную ответственность за свои действия.

Речь Пико делла Мирандолы, провозгласившая человека свободным творцом своей сущности, задала мощный вектор дальнейшего развития европейской мысли. Ренессансное представление о человеке как творце оставалось в рамках теологического видения мира. Человек выступал создателем ценностей, но их высшим гарантом являлась божественная личность. Бог оставался образцом, по направлению к которому творил человек. В Новое время идея «человек как проект самого себя» лишается своих трансцендентных оснований и приобретает характер светского гуманизма. Принцип субъективности, как фундаментальное основание Нового времени, получает свое осуществление в исторических событиях Реформации и Просвещения. Как указывает Ю. Хабермас, «Благодаря Лютеру, религиозная вера обрела рефлексивность, в одиночестве субъективности божественный мир превратился в нечто установленное благодаря нам. Взамен веры в авторитет провозвестия и предания протестантизм утверждает господство субъекта, настаивающего на собственном понимании предмета: гостия считается еще только тестом, реликвия – лишь костью» [17]. Однако, если Реформация, желая повысить сакральный уровень мировоззрения через «освящение обыденной жизни», произвела, не желая того, обратный эффект, то Просвещение оконча-

тельно откажет разуму в трансцендентных основаниях, сведя личность к самосознанию.

В эпоху Просвещения происходит радикальный переворот, в результате которого Бог как трансцендентный гарант устраняется, а его место занимает автономный человеческий разум. Свободная личность понимается как источник ценностей, но она уже не укоренена ни в чем другом, кроме себя самой. Человек устанавливает право самостоятельного творения без опоры на внешний авторитет посредством собственного критического мышления, в результате чего проект самого себя становится моральным долгом и исторической задачей.

В своей работе «Ответ на вопрос: Что такое Просвещение» И. Кант заявляет «Sapere aude! – имей мужество пользоваться собственным умом! – таков, следовательно, девиз Просвещения!» [2, с. 29]. Этот призыв становится новым девизом проекта самого себя, в котором главным инструментом творения выступает законодательный разум.

В начале XX в. философы заговорят о крушении гуманистических идеалов и кризисе рационализма. М. Вебер в своем докладе «Наука как призвание и профессия» зафиксировал, что «судьба нашей эпохи с характерной для нее рационализацией и интеллектуализацией, и прежде всего, расколдовыванием мира заключается в том, что высшие благороднейшие ценности ушли из общественной сферы» [18, с. 733–734]. Надежды философов-просветителей на построение системы морали с помощью только лишь рациональных оснований подвергаются критике. Как указывает М. Хайдеггер, гуманистический проект Просвещения закончился наступлением нигилизма под эгидой инструментального отношения к Земле и технического покорения мира [5].

В XX столетии многие мыслители констатируют утрату фундаментальной основы человеческого существования, которая включала в себя веру в трансцендентное, дающую уверенность в существовании смысла и высшего порядка, укорененность в устойчивых нормах и ценностях, чувство общности и принадлежности к семье, государству, нации. К. Ясперс указывает на тот факт, что исторический процесс модернизации, научно-технический прогресс и секуляризация привели к «утрате субстанциональности» [4, с. 336], в результате чего человек лишился твердых опор своего бытия, обнаружив открывшуюся перед ним экзистенциальную пустоту. Со «смертью Бога», как главной субстанцио-

нальной основы западного человека, стал возможен отказ от предзаданной человеческой природы. Человек становится обречен одиноко творить себя в экзистенциальном и онтологическом вакууме.

Идея «человек как проект самого себя» получает свое дальнейшее оформление в экзистенциализме Ж.-П. Сартра в котором свобода выступает фундаментальной характеристикой бытия. В отличие от концепции, предложенной Пико делла Мирандолой, в которой Бог даровал человеку свободу, наделив его свободой самоопределения, возможностью обретения своей сущности путем восхождения к Богу как к образцу, у Сартра человек лишается трансцендентной опоры своего существования, он остается в полном одиночестве в чуждом ему мире.

На современном этапе общественно-го развития идея «человек как проект самого себя» становится невероятно актуальной. Она предвосхитила как идеи экзистенциализма Ж.-П. Сартра о том, что человек – это существо, устремляющее и проецирующее себя в будущее, «человек – это прежде всего проект, который переживается субъективно, а не мох, не плесень и не цветная капуста. Ничто не существует до этого проекта, нет ничего на умопостигаемом небе, и человек станет таким, каков его проект бытия» [3, с. 323], так и идеи личностного роста и культа самореализации и самосовершенствования, преобладающие в современном обществе.

Однако, если в XX в. тема самопроектирования носила характер противостояния конформизму массового общества, то в XXI в. призыв к подлинности парадоксальным образом из бунта против системы «безликого Man» в духе М. Хайдеггера трансформируется в моду на аутентичность, в бесконечный проект самооптимизации и ребрендинга.

Для более глубокого понимания метаморфозы экзистенциального «проекта самого себя» в рыночный императив можно обратиться к поздним работам М. Фуко. Идея «человек как проект самого себя» уходит корнями в античную практику «заботы о себе», фундаментально переосмысленную М. Фуко. Фуко прослеживает развитие исторически обусловленных техник формирования себя как субъекта от древних греков до христианства. В древнегреческой и римской культурах знаменитый дельфийский принцип: «Познай самого себя!» был встроен в более широкий принцип: «Позаботься о себе!». «Забота о себе» была не просто рефлексией, а этически нагруженной работой по формированию себя

через упражнения (аскезу), письменные практики (дневники), управление телом и страстями. «Забота о себе» выступала «искусством жизни», с помощью которого человек сам формировал себя. Целью данных практик было достижение счастья: стать мудрым, свободным от аффектов гражданином, способным управлять собой и, как следствие, участвовать в управлении полисом. В античной традиции, особенно в стоицизме, «забота о себе» носила этико-политический характер. Данный принцип представлял собой настоящий социальный и политический практикум, чтобы правильно управлять домом, полисом, следовало сначала научиться управлять собой. В христианской культуре античная «забота о себе» трансформируется в практики религиозной жизни. Практики внимания к себе направлены уже не на утверждение своей силы и автономии, а на обнаружение греховных помыслов. Акцент делается на отказе от собственного «Я» ради послушания Богу и спасения души, превращаясь в самоотречение ради обретения спасения. Внимание к себе стало подозреваться в греховной гордыне. В дальнейшем, в новоевропейской культуре, монополия на истину о субъекте перешла к экспертному знанию: субъект перепоручает «заботу о себе» государству, медицине, педагогике. Самостоятельная забота о себе становится синонимом эгоизма. Как резюмирует Фуко, «занятия собой с определенного времени зачастую изобличались как форма себялюбия, форма эгоизма или индивидуального интереса, находящегося в противоречии с интересом, с каким следует относиться к другим, или с самопожертвованием, каковое необходимо» [6, с. 246]. Фуко предполагал, что, начиная с XVIII в., гуманитарные науки пытаются вернуть техники самоформирования, но без требования отречения от себя, что даст возможность позитивного конституирования себя не через исповедь и самоотрицание, а через практики саморазвития и рефлексии. Однако, на наш взгляд, практики, которые исторически служили освобождению субъекта через работу над собой (например, стоическая аскеза как обретение независимости от страстей), в современном контексте становятся инструментами его подчинения логике рынка и эффективности. Императив «познай самого себя» замещается императивом «оптимизируй себя». Человек, усердно работающий над своим проектом с помощью трекеров, курсов саморазвития и самооптимизации, искренне полагает, что осуществляет свою свободу, тогда как на самом деле он интериоризирует внешние, ры-

ночные требования к гибкости, продуктивности и конкурентоспособности. Таким образом, современные «техники себя» служат не свободному формированию субъективности, а производству управляемого «человеческого капитала», где даже эмоции и отношения становятся объектом инвестиций и оптимизации.

Современная свобода «быть собой» обнаруживает, на наш взгляд, тесную связь с индивидуализмом и рыночной экономикой. В эпоху позднего капитализма наблюдается тенденция коммодификации аутентичности, что проявляется в том, что свобода «быть собой» заменяется ее потребительской версией как выбора из рыночных опций, вменяя поиск себя в обязанность индивида. Человек обязан «работать над собой», меняя свой имидж, систему ценностей, место жительства. Императив «быть собой» сталкивается с требованием «быть гибким», следовать тренду, т.е. постоянно меняться под запросы рынка. Устойчивое «Я» воспринимается скорее, как обуза, от которой необходимо избавиться, в результате чего человек не обретает себя, а живет в состоянии перманентной «пробной версии себя». Следует подчеркнуть, что культ аутентичности: «Найди свое подлинное Я!», «Твоя жизнь – твой проект» одновременно порождает чувство вины и вызывает огромную тревогу. Человек винит себя за то, что не успевает за всеми открывающимися возможностями, не реализация которых рассматривается как личная неудача: ведь если ты не реализовал себя, ты виноват сам – ты плохо себя проецировал.

В итоге ренессансный призыв к творческому самоформированию подвергается редукции и коммодификации. Понятие аутентичности, утратив свою экзистенциальную глубину, сводится к маркетинговому обещанию уникальности, которое, в свою очередь, упаковывается в стандартизированные продукты (коучинг, гайды, мастер-классы). Ренессансный идеал творца низводится до логики личного брендинга, где «творческая самореализация» становится товаром.

Мода на аутентичность напоминает коллективный эксперимент по самосозиданию в мире, где старые ориентиры рухнули. З. Бауман, рассматривая современное «индивидуализированное общество», показывает во что превращается «проект самого себя» в условиях поздней современности. З. Бауман обращает внимание, что в эпоху постмодерна «свобода конституирована в первую очередь как свобода потребителя» [19, с. 19], свобода становится рыночным предложением. Получив свободу от обязательств, от

долгосрочных связей, от устойчивых идентичностей, человек проявляет свою свободу прежде всего в форме свободного выбора на рынке.

«Проект самого себя» осуществляется через акты потребления и непрерывный ребрендинг, заключающийся в постоянной смене идентичностей как модных коллекций, который в условиях «утраты субстанциональности» становится формой туризма в собственную жизнь. Императив «будь аутентичным» получает статус социальной нормы, требующей от человека демонстрации своей уникальности по определенным, предсказуемым канонам.

Свобода понимается как право на самовыражение, через покупку готовых образов и стилей жизни. Провал «проекта самого себя» не воспринимается как системная проблема, а как личный провал, что ведет к росту тревожности и депрессии.

Так, Б.-Ч. Хан, рассматривая современное общество, отмечает, что «сегодняшнее общество – это уже не дисциплинарное общество Фуко из богаделен, сумасшедших домов, тюрем, казарм и фабрик. Его место давно заняло совсем другое общество – общество из фитнес-студий, офисных высоток, банков, аэропортов, торговых центров и генетических лабораторий. Общество XXI в. – это уже не дисциплинарное общество, а общество достижений (*Leistungsgesellschaft*). Его обитатели также зовутся уже не «послушными субъектами», а субъектами достижений. Они сами себе предприниматели» [20, с. 55]. Человек сам эксплуатирует себя, считая это свободной самореализацией. Описывая современное общество как «общество усталости», Хан отмечает, что это не физическая усталость от эксплуатации (как у К. Маркса), а ментальная и психическая истощенность от избытка позитивности: возможностей, стимулов, требований к самооптимизации. Современный человек испытывает истощение не от подавления, а от приказа «Будь успешным!», «Будь счастливым!», «Будь собой!».

«Бытие собой» сводится к демонстративной производительности: «быть» – значит продемонстрировать результат, «проект самого себя» оценивается по его перформативным показателям: лайкам, эффективным контрактам, количеству пройденных курсов. В результате индивид должен следовать императиву стать «лучшей версией себя», неповиновение которому вызывает чувство вины. Изобличая патологии «проекта самого себя» в «обществе достижений», Хан связывает социальные тренды самооптимизации

с эпидемиями ментальных расстройств: депрессия – это истощение «Я», сломленного непосильным императивом «Стань самым собой!», синдром выгорания – это истощение человека как предпринимателя себя, который инвестировал все силы в свой человеческий капитал и обанкротился, а СДВГ (синдром дефицита внимания и гиперактивности) понимается как неспособность концентрироваться в мире многозадачности [20, с. 35–36].

«Проект самого себя» из экзистенциального поиска аутентичности трансформируется в принудительный труд по самооптимизации, в котором кантовское «мужество пользоваться собственным умом» оборачивается неврозом постоянного самоанализа и самокоррекции. Свобода «быть собой» становится внутренним императивом принуждения к самоэксплуатации и поиску аутентичности, отвечающей заданным шаблонам. Проект самосозидания окончательно теряет связь с трансцендентным измерением (Бог, Истина) и экзистенциальной глубиной (аутентичность), сводясь к перформативной и бесконечно перезапускаемой процедуре самоконтроля и самопродвижения.

Ж. Липовецки, анализируя парадоксы и культурные противоречия «проекта самого себя» в эпоху «радикального индивидуализма», показывает его современную трансформацию. Свобода «быть собой» становится массовым, демократизированным явлением: «идеал подчинения личности рациональным коллективным правилам рассыпался в прах; процесс персонализации обеспечил в широких масштабах фундаментальную ценность – ценность индивидуального развития, признания субъективного своеобразия, неповторимости личности» [21]. Важно отметить, что эра пустоты, о которой говорит Ж. Липовецки, это не пустота нигилизма, а пустота после оргиастического освобождения, когда снимаются все табу, распадаются большие нарративы и дисциплинарные структуры. Но, на наш взгляд, на их месте не возникает новой полноты, а воцаряется «безразличная пустота». В результате «проект самого себя» оказывается в вакууме, в котором на смену великим целям приходит культура самопародии, иронии и симуляции. Индивид уже не верит в «проект самого себя», а играет в него. Следуя мысли Ж. Липовецки, можно сделать вывод о том, что логика постмодерна, выраженная деконструкцией норм, иерархий, идентичностей, доводится до абсолюта. В контексте нашего исследования это проявляется в том, что в совре-

менную эпоху, все разобрано, но ничего не построено заново. «Я» оказывается разрозненным набором ролей и образов, которые можно менять без глубинной трансформации. Именно поэтому императив «будь собой» приводит к тотальному конформизму, создавая иллюзию свободы, потому что все «уникальные идентичности» производятся и потребляются по одним и тем же рыночным законам. Возникает феномен, который можно обозначить как «легкое бытие» – жизнь как перформанс, игра, потребление впечатлений, в котором драма «проекта самого себя» заменяется его постановкой. Таким образом, историческая идея само-проектирования приобретает законченный вид: проект Пико делла Мирандолы «стань тем, кем ты хочешь» трансформируется в «примеряй любые идентичности, не привязываясь ни к одной», а сартровский «ты – это твой выбор», трансформируется в «ты – это твой стиль». В конечном счете «проект самого себя» низводится до практики коллекционирования масок. В результате чего, чем больше индивид освобождается от традиционных ограничений, и чем настойчивей стремится к уникальности, тем более предсказуемыми и серийными становятся стратегии ее достижения. Общество, одержимое идеей удовольствия и самореализации, порождает повсеместную тревогу и озабоченность, а гедонистический императив оказывается столь же давящим, как и прежние моральные кодексы.

Идея «человек как творец самого себя» превращается в симуляцию свободы «быть собой» в условиях потребительского общества, предлагающего бесконечный выбор форм для самовыражения (аватары, стили, бренды, идентичности), но само содержание «Я» оказывается пустым, сконструированным из этих же пустых форм.

Следует отметить, что идеи постмодернизма во многом предвосхитили современную тенденцию формирования пластичной идентичности, заложив ее теоретический фундамент. Следуя за Ж.-Ф. Лиотаром, постмодернизм можно определить как «недоверие в отношении метарассказов» [22]. Развивая эту мысль, можно утверждать, что, если нет Больших Идей (Бог, Прогресс, Революция), которые придают жизни смысл и структуру, то исчезает и необходимость в единой, монолитной идентичности, открывая пространство для множества малых, локальных, временных самоописаний. В результате отсутствия фундаментальных оснований возникает ценностный вакуум, который требует своего заполнения. В отсутствии «оригинала» (истинно-

го «Я»), его место занимают симулякры – копии без оригинала, из которых «аутентичность» становится самым расхожим симулякром.

Ж. Бодрийяр отмечает, что «симулякр никогда не является тем, что скрывает истину – это истина, которая скрывает, что ее не существует. Симулякр – это истина» [23]. Это ядро концепции Бодрийяра применительно к идее «проекта самого себя» означает, что не существует некой «глубинной», «настоящей» самости, которую можно было бы симулировать. Все наши «Я» – это симулякры. Пластичная идентичность – это единственно возможный способ существования в мире, где исчез оригинал. Место устойчивой идентичности занимает «сборка» как пересечение во множестве, идентичность приобретает характер пластичности, она «состкана из конъюнкций “и... и... и...”». В этой конъюнкции достаточно силы, чтобы растряссти и искоренить глагол “быть”. Кто мы? Откуда мы? Куда мы идем? – вот самые бесполезные вопросы» [24]. Современный индивид конструирует себя из набора готовых медийных клише и трендов, продаваемых как аутентичность. «Славному и свободному мастеру» Ренессанса отводится роль «менеджера собственного симулякра», «предпринимателя себя», чья пластичность и готовность к перманентному ребрендингу, являются не выражением автономии, а наиболее востребованным качеством для интеграции в систему тотальной управляемости.

С развитием информационного общества мы сталкиваемся с парадоксальным, на наш взгляд, явлением, когда ключевым актором в формировании пластичной идентичности выступают цифровые технологии и искусственный интеллект (ИИ). Технологии, которые объективно обладают потенциалом, для реализации просвещенческого идеала автономного, свободно мыслящего субъекта, выраженного в кантовском девизе: «пользуйся своим умом!», на практике используются для создания новой, цифровой формы «несовершеннолетия». В контексте нашего исследования это можно интерпретировать как фундаментальную инверсию: освобождение, декларируемое как цель цифровизации, подменяется своей противоположностью – добровольным отказом от субъектности, открывающим перед индивидом возможность делегировать искусственному интеллекту свою свободу, свой проект, свою идентичность в обмен на психологический комфорт и социальное одобрение. Нейросети и искусственный интеллект выступают как новый вид экзистенциального сервиса,

предлагая готовые идентичности и освобождая «усталого» индивида от тягостной необходимости самоопределения. Вместо мучительного выбора «кто я?» алгоритм предлагает каталог оптимизированных персоналий – бесконечный поток симулякров, с которыми можно легко и без обязательств экспериментировать, что порождает новый культурный слоган: «Доверьтесь алгоритму – быть вами!». Таким образом, в современную эпоху «проект самого себя» – это культурный императив, лишенный трансцендентного измерения, ставящий перед человеком цель не обрести свою сущность, а производить и потреблять убедительные образы аутентичности. ИИ помогает собрать зрелищные перформансы нашего «Я». Пластичность – это не упадок, а новый способ человеческого существования, открывающийся перед человеком в эпоху после «смерти Бога» и конца больших историй.

Историко-философская эволюция концепции «человек как проект самого себя» демонстрирует радикальную трансформацию от ренессансного идеала творческого самосозидания, укорененного в трансцендентном, до его превращения в товар, симуляции и перформанса. В условиях общества потребления экзистенциальный «проект самого себя» был инкорпорирован рыночной логикой, превратившись из поиска аутентичности в принудительный труд по самооптимизации, ребрендингу и производству себя как «человеческого капитала» (М. Фуко, З. Бауман). Императив «будь собой» парадоксальным образом обернулся конформизмом и самоэксплуатацией в «обществе достижений» (Б.-Ч. Хан). В ситуации «утраты субстанциональности» и «недоверия к метанарративам» современная пластичная идентичность предстает как перформативный конструкт, в котором устойчивое «Я» замещается «сборкой» временных, ситуативных образов, лишенных глубины и оригинала. Свобода самоопределения сводится к свободному выбору и потреблению готовых идентичностей. С развитием ИИ сама личность может стать продуктом, сгенерированным и оптимизированным ИИ, для максимальной интеграции в систему. Идея перманентного самоконституирования становится одной из самых эффективных идеологий позднего капитализма, смещая акценты с критики индивидом системы на критику себя, маскируя системные противоречия под личные неудачи. Создается иллюзия освобождения: чувство обретения «подлинного Я» и следования собственной траектории, маскирующее глубокую зависимость индивида от рыночных механизмов,

создающих эти «пути». В конечном счете «уникальные проекты» формирования пластичной идентичности работают на воспроизводство общества потребления и тотальной управляемости, но уже путем принуждения к самоконструированию.

Список источников

1. Пико делла Мирандола Д. Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса. Антология / Сост. и авт. предисл. В.П. Шестаков: в 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1981. С. 248–306.
2. Кант И. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? // И. Кант. Собрание сочинений: пер. с нем./ Под общ. ред. А.В. Гулыги: в 8 т. Т. 8. М.: Чоро, 1994. С. 29–37.
3. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм, А. Камю, Ж.П. Сартр Сумерки богов / Сост., общ. ред. и предисл. А.А. Яковлева. М.: Политиздат, 1990. С. 319–344.
4. Ясперс К. Духовная ситуация времени // К. Ясперс. Смысл и назначение истории: пер. с нем./ Вступ. ст. П.П. Гайденко [с. 5–26]. М.: Политиздат, 1991. С. 288–418.
5. Хайдеггер М. Время картины мира // М. Хайдеггер. Время и бытие. Статьи и выступления / Сост., пер., вступ. ст., коммент. и указ. В.В. Биbihина. М.: Республика, 1993. С. 41–61.
6. Фуко М. Этика заботы о себе как практика свободы // Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, интервью, выступления / Пер. с фр. С. Ч. Офертаса: в 3 ч. Ч. 3. М.: Праксис, 2006. С. 241–270.
7. Lifton R. J. The Protean Self: Human Resilience In An Age Of Fragmentation. Univ. of Chicago Press, 1999. 262 p.
8. Lasch C. The Culture of Narcissism: American Life in An Age of Diminishing Expectations. N.Y. Norton, 1979. 250 p.
9. Dunn R. G. Identity crises: a social critique of post-modernity. University of Minnesota Press Minneapolis London, 1998. 300p.
10. Драч Г.В. Культурное многообразие и современный мир // Фундаментальные аспекты культурологии: культурная идентичность: коллективная монография. М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева, 2025. С. 52–76.
11. Малыгина И.В. Онтологические контуры идентичности // Фундаментальные аспекты культурологии: культурная идентичность: коллективная монография. М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева, 2025. С. 34–51.
12. Богданова О.А. Кризис идентичности личности в культуре постмодерна // Научная мысль Кавказа. 2016. № 2. С. 26–31.
13. Емелин В.А. Идентичность в информационном обществе. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017. 360 с.
14. Золотухина-Аболина Е.В. Современное общество: проблема утраты парадигмальных ориентиров // Социум и власть. 2016. № 2 (58). С. 7–11.
15. Труфанова Е. И. Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 13–22.
16. См.: Гайденко П.П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. 456 с. С. 17.
17. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне/ Пер. с нем. М. М. Беляев и др.: 2-е изд., испр. М.: «Весь мир», 2008. 415 с. С. 17.
18. Вебер М. Наука как призвание и профессия // М. Вебер. Избранные произведения: пер. с нем./ Сост., общ. ред. и послесл. [с. 736–769] Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко [с. 5–41; Коммент. А.Ф. Филиппова]. М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.
19. Бауман З. Свобода / Пер. Г. Дашевского. М.: Новое издательство, 2021. 204 с. С. 19.
20. Хан Б.-Ч. Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива. М.: АСТ, 2024. 160 с.
21. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме/ Пер. с фр. В.В. Кузнецова. СПб: Владимир Даль, 2001. 331 с. С. 20–21.
22. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Ин-т эксперим. социологии. СПб.: Алетейя, 1998. 159 с. С. 10.
23. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Пер. с фр. и вступ. ст. О. А. Печенкиной. Тула: ООО «Тульский полиграфист», 2013. 204 с. С. 16.
24. См.: Делез Ж. Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Пер. с фр. и послесл. Я.И. Свирского. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 894 с. С. 44.

References

1. Pico della Mirandola D. Speech about human dignity. In: *Aesthetics of the Renaissance. Anthology*. Comp. and author's preface by V. P. Shestakov. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, Iskusstvo, 1981. P. 248–306. (In Russ.).
2. Kant I. The answer to the question: What is Enlightenment? In: *I. Kant. Collected works: translated from German/ Under the general editorship of A.V. Gulyga*. In 8 vols. Vol. 8. Moscow, Choro, 1994. P. 29–37. (In Russ.).
3. Sartre J.-P. Existentialism is humanism. In: F. Nietzsche, Z. Freud, E. Fromm, A. Camus, J.P. Sartre. *Twilight of the Gods*. Comp., general ed. and preface by A.A. Yakovlev. Moscow, Politizdat, 1990. P. 319–344. (In Russ.).

4. Jaspers K. The spiritual situation of time. In: K. Jaspers. *The meaning and purpose of history: translated from German*. Introduction by P.P. Gaidenko [P. 5–26] Moscow, Politizdat, 1991. P. 288–418. (*In Russ.*).
5. Heidegger M. The time of the picture of the world. In: M. Heidegger. *Time and being. Articles and speeches*. Comp., trans., intro. art., comment. and the decree of V. V. Bibikhin. Moscow, Republic, 1993. P. 41–61. (*In Russ.*).
6. Foucault M. The Ethics of self-care as a Practice of freedom. In: *Intellectuals and power: selected political articles, interviews, speeches*. Translated from the French by S.C. Offertan. In 3 p. Part 3. Moscow, Praxis, 2006. P. 241–270. (*In Russ.*).
7. Lifton R. J. *The Protean Self: Human Resilience In An Age Of Fragmentation*. Univ. of Chicago Press, 1999. 262 p.
8. Lasch C. *The Culture of Narcissism: American Life in An Age of Diminishing Expectations*. New York, Norton, 1979. 250 p.
9. Dunn R. G. *Identity crises: a social critique of post-modernity*. University of Minnesota Press Minneapolis London, 1998. 300 p.
10. Drach G.V. Cultural diversity and the modern world. In: *Fundamental aspects of cultural studies: cultural identity: a collective monograph*. Moscow, Russian Scientific Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev, 2025. P. 52–76. (*In Russ.*).
11. Malygina I.V. Ontological contours of identity. In: *Fundamental aspects of cultural studies: cultural identity: a collective monograph*. Moscow, Russian Scientific Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev, 2025. P. 34–51. (*In Russ.*).
12. Bogdanova O.A. The crisis of personal identity in postmodern culture. *Naučnaâ mysl' Kavkaza*. 2016. No. 2. P. 26–31. (*In Russ.*).
13. Emelin V. A. *Identity in the information society*. Moscow, «Canon+» ROOI «Rehabilitation», 2017. 360 p. (*In Russ.*).
14. Zolotukhina-Abolina E.V. Modern society: the problem of the loss of paradigmatic guidelines. *Society and power*. 2016. No. 2 (58). P. 7–11. (*In Russ.*).
15. Trufanova E. I. Man in the labyrinth of identities. *Questions of philosophy*. 2010. No. 2. P. 13–22. (*In Russ.*).
16. Gaidenko P.P. *The history of New European philosophy in its connection with science*. Moscow, PER SE; St. Petersburg, University Book, 2000. 456 p. P. 17. (*In Russ.*).
17. Habermas Yu. *Philosophical discourse on modernity*. Translated from German by M.M. Belyaev et al.: 2nd ed., ispr. Moscow, «The Whole world», 2008. 415 p. P. 17. (*In Russ.*).
18. Weber M. Science as a vocation and profession. In: M. Weber. *Selected works: translated from German*. Comp., general ed. and afterword [P. 736–769] by Yu. N. Davydov; Preface by P. P. Gaidenko [P. 5–41; Commentary by A. F. Filippov]. Moscow, Progress, 1990. P. 707–735. (*In Russ.*).
19. Bauman Z. *Svoboda*. Translated by G. Dashevsky. Moscow, New Publishing House, 2021. 204 p. P. 19. (*In Russ.*).
20. Khan B.-Ch. *The fatigue society. Negative experience in the era of excessive positivity*. Moscow, AST, 2024. 160 p. (*In Russ.*).
21. Lipovetsky J. *The age of emptiness. An essay on modern individualism*. Translated from French by V.V. Kuznetsov. St. Petersburg: Vladimir Dahl, 2001. 331 p. P. 20–21. (*In Russ.*).
22. Lyotard J.-F. *The state of postmodernity*. Moscow, Institute of Experimental Sociology. Translated from French by N. A. Shmatko. Moscow: Institute of Experimental Sociology. Sociology. St. Petersburg, Aleteya, 1998. 159 p. P. 10. (*In Russ.*).
23. Baudrillard J. *Simulacra and simulation*. Translated from French. and the introductory article by O.A. Pechenkina. Tula, Tula Polygraphist LLC, 2013. 204 p. P. 16. (*In Russ.*).
24. Deleuze J. Guattari F. *A Thousand plateaus: Capitalism and schizophrenia*. Translated from French and afterword by Ya. I. Svirsky. Yekaterinburg, U-Faktoria; Moscow: Astrelm, 2010. 894 p. P. 44. (*In Russ.*).

Шифр специальности: 5.7.7 Социальная и политическая философия (философские науки).

Информация об авторе

Л.Г. Бабахова – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и мировых религий. 344000, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1.

Information about the author

L.G. Babakhova – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and World Religions. 1, Gagarin Square, Rostov-on-Don, 344000.

Статья поступила в редакцию 20.12.2026; одобрена после рецензирования 3.02.2026; принята к публикации 15.03.2026.

The article was submitted 20.12.2025\$ approved after reviewing 3.02.2026; accepted for publication 15.03.2026.